

цией, доставленной ему отцом. Его развратная любовь к сестре не позволяла ему выдерживать сколько-нибудь долгое время, не посещая ее в новом ее доме. Он сделал из него постоянное свое жилище и всегда находился при ней. От такой близости стали желания их распалиться настолько, что много раз, не стыдись они столь омерзительного греха, полностью бы готовы были их насытить. Ужас подобного преступления часто являлся их мысленному взору и, особенно, Доралисе, ведшей с собой такую речь:

«Ах! Жестокая любовь, заставляющая безумно любить того, чьего, близости родства ради, бесстыдного взгляда не только бежать должна, а еще и бояться, не прознал бы кто о моей безумной и кровосмесительной страсти, к чему готовишь меня? Принудишь ли меня сотворить столь отвратительный грех? Вырвем эту проклятую выдумку, пока она не отпечаталась еще сильнее, и вообразим несчастье, могущее произойти из такого омерзительного преступления».

Эти добрые мысли почти всегда отвращали ее от ее безрассудных побуждений, но тогда красота, любезность ее брата и бывшая в ней к нему любовь тотчас на них восставали и, едва возгоревшись, гасли они.

– И кто может, – говорила она потом, – помешать мне любить? Не естественное ли это дело? Во времена невинности, когда был золотой век, имели ли подобные предассуждения? Люди сочинили законы по собственному произволу, но природа сильнее всех этих соображений. Хочу следовать ей, ибо она благой и верный путеводитель жизни нашей.

Так говорила презренная в то время, как брат ее переживал те же муки. Отвращение мешает мне приводить их проклятые и развратные оправдания.

Не это является задачей моей – целью своей имею изобразить и изоблечить мерзость порока, а не его защиту. Итак, скажу только, что после разного рода колебаний последовали они обычаю, установленному погаными языческими богами Юноной и Юпитером. Они продолжали гнусные свои наслаждения, ни в ком не возбуждая подозрений. Так что, хоть и заставляли их порой на одной постели целующимися у всех на глазах, или удалялись они в лес и другие уединенные и безлюдные места, кто бы когда подумал об этого рода близости! Тем не менее небо, не пожелавшее долее терпеть этого ужасного и кровосмесительного прелюбодеяния, позволило прислужнице застичь их однажды за делом. Она тысячу раз перекрестилась и закрыла глаза, дабы не видеть вещи, столь отвратительной, и, не желая тотчас же разносить о замеченном, она ограничилась тем, что в частной беседе указала хозяйке своей на великое преступление, ею совершаемое, и великий позор, могущий произойти в случае обнаружения всего этого.

Доралиса, вместо того, чтобы с благодарностью принять предостережение, поступила с ней каким только можно вообразить себе унижительным образом: ибо оскорбив ее словами, еще очень сильно побила ее, а потом дала ей расчет. Женщина, возмущенная обидой, полученной в обмен за добро, тайно уведомила Тимандра о причине, побудившей его супругу выгнать ее из дому, и советовала ему за ней присматривать, ибо, несомненно, брат ее бесстыдно пользовался родной сестрой. Муж, весьма изумленный таким сообщением, не знал ни что ему сказать, ни что делать. Сначала хотел он им отомстить без всякого рассуждения, так сильно владело душой его желание мести, потом, однако, представив себе, что все это могло быть просто клеветой, он, затаив свою боль, стал так настойчиво следить за поступками жены и шурина, что не мог не проникнуться слишком большой уверенностью в действительности их кровосмесительного разврата. Любовь, питаемая им к жене, соединенная с некоторыми усвоенными им соображениями о том, что все это могло быть неправдой, хотя бы он и наблюдал все возможные обнаружению приметы, сделали то, что он удовольствовался тем, что отказал шурина от дома. Большая кротость в муже, которому нанесли столь тяжкую обиду. И вот наши влюбленные лишены возможности видаться, к великому обоюдному неудовольствию. Доралиса, притворяясь добродетельной женщиной, спрашивает у мужа, какую причину он имеет для вражды к брату, что отказал ему от дома. Тимандр обличает тогда их отвратительный разврат и говорит о справедливом гневе, который он должен бы к ним питать, не предпочти он кротость мести; обещает все забыть, если она захочет вести лучший образ жизни и умоляет Бога о прощении столь страшного и омерзительного прегрешения, не то принудят его применить к ним заслуженное ими наказание. Она, слушая рассуждения мужа, стала горько плакать. Уста ее произнесли затем жалобы и сожаления, смешанные со столь страшными клятвами, что способны были заставить Тимандра поверить противности того, что было ему известно, не овладей безраздельно душой его ревность. Люди, вошедшие уже в возраст, любовным огнем пылают не так, как молодые, но зато они много ревнивей. Малейшее подозрение остается у них в